

по следам

громких дел

Татьяна Степанова — подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло **50** романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный инстинкт» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулкa
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой
Циклоп и нимфа
Последняя истина, последняя страсть
Перекресток трех дорог
Имеющий уши, да услышит
Великая иллюзия
Коридор затмений

КОРИДОР
ЗАТМЕНИЙ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Коридор затмений / Татьяна Степанова. — Москва:
Эксмо, 2023. — 384 с. — (По следам громких дел.
Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-172149-7

Дело об убийстве Анны Лаврентьевой, расследованием которого занялся полковник Гушин вместе с Клавдием Мамонтовым и Макаром Псалтырниковым, лишь на первый взгляд имело бытовые мотивы. Как только произошло новое зверское преступление, оно в одночасье превратилось в сложную головоломку со многими неизвестными. А тут еще у маленьких дочек Макара внезапно завелся некий тайный друг — подросток Адам. Его панически боится и ненавидит собственная мать Ева, считая порождением Тьмы. Шаг за шагом полковнику Гушину с напарниками предстоит распутать целый клубок версий, пугающих фактов и мрачных суеверий, чтобы установить истину и найти взаимосвязь между цепочкой убийств и событиями пятнадцатилетней давности, когда Адам появился на свет, а на заброшенной ГЭС силовики штурмовали зловещую секту, практиковавшую оргии и темные ритуалы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172149-7

© Степанова Т.Ю., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

ПОКУШЕНИЕ

Она проснулась глубокой ночью. Ее разбудил не сон, не кошмар, а уверенность, что в ее темной спальне с наглухо занавешенными окнами кто-то есть. Она всегда задергивала шторы в полнолуние, потому что огромная луна, отражавшаяся в глади озера, на берегу которого стоял их дом, не давала ей спать. Луна властно вмешивалась в ее сны, луна околдовывала ее, затягивая в морок — туда, на темное дно озера, где среди ям и коряг обитали чудовища. Так ей казалось с некоторых пор.

Во тьме она лежала, затаив дыхание, притворяясь спящей, чутко прислушивалась к каждому звуку ночи — скрип, шорох, чье-то дыхание... И этот звук...

Ее лица коснулось нечто липкое и холодное. В первую секунду она подумала — ей кажется. Сон все еще не отпустил ее, она пребывала на грани яви и бодрствования. Однако прикосновение было вполне реальным — холодное, липкое. Что-то ползло по ее голове, по волосам, по лбу, добираясь до глаз, до губ.

Она хрипло вскрикнула и рванулась с подушек, рукой сбрасывая с себя нечто нечистое, отвратительное... Включила лампу на столике у кровати и...

Она не поверила своим глазам: на подушке — черное пятно. На краю кровати у изголовья — второе черное пятно.

Это были две крупные жабы.

Электрический свет отражался в их выпученных глазах. Кожа жаб, покрытая бородавками, блестела в неярком свете лампы как лакированная.

Она дико закричала от страха.

В спальне вспыхнул верхний свет — такой яркий, что на миг она зажмурилась. Вспышка ослепила ее как молния.

А когда вновь открыла глаза, то увидела в углу спальни *его*.

Он стоял и смотрел на нее. Внимательно, пристально наблюдал, словно оценивая. А затем его губы тронула торжествующая улыбка. Он наслаждался ее паникой и страхом.

Он прятал руки за спиной. Он еще что-то скрывал от нее.

И внезапно...

Он шагнул к кровати, размахнулся и... Швырнул в нее тяжелый металлический совок, который они использовали для золы из камина.

Острый металлический край...

Она рухнула навзничь на постель, прямо на отвратительную жабу.

Совок с грохотом ударился о стену.

Почти теряя сознание от ужаса, чувствуя под щекой шевелящуюся жабу, царапающую лапой ей шею, она успела подумать: «На совке для камина он принес этих тварей ко мне...»

Он все рассчитал...

Он снова хочет меня убить.

Полковник Гушин наклонился над телом, взялся за рукоятку ножа рукой в перчатке и осторожно потянул на себя. Нож, всаженный в горло жертвы, не поддался.

— Удар большой силы, — констатировал полковник Гушин. — Сквозной. Нож пробил горло, повредил шейный позвонок и... вонзился в кухонный линолеум.

Он потянул сильнее, выдернул нож. Голова мертвой женщины, припиленная к кухонному полу за шею, резко склонилась набок. Клавдий Мамонтов ощутил, как тошнота клубком подкатывает к его горлу. На кухонном полу натекла большая лужа крови, в электрическом свете она выглядела черной. Пахло кровью и... куриной лапшой. Перевернутая кастрюля, сброшенная с плиты, валялась у раковины, куриный бульон смешивался с кровью жертвы, пол усеяла лапша.

Макар Псалтырников, стараясь не наступить в лужу своими дорогими кроссовками, придвинулся к Гушину, так и заглядываясь на выдернутый из раны нож, словно на некое невиданное чудо.

Однако нож был обычным, кухонным, для разделки мяса.

— Из ящика ножик взяли, не с собой принесли, да, Федор Матвеевич? — деловито спросил Макар.

— Ничего здесь не трогай и умолкни, — шепнул ему Клавдий Мамонтов.

Макар лишь усмехнулся. Все происходящее на месте убийства он воспринимал как великое ночное приключение.

Полковник Гушин Макару кивнул — да, нож — орудие убийства, взятое убийцей именно с кухни жертвы. А вот насчет всего остального...

Он передал нож эксперту-криминалисту и снова обернулся к труп. Положил руку на грудную клетку убитой, осторожно все прощупал.

— Удар ножом большой силы, — повторил он. — Нанесен, когда потерпевшая уже упала на пол и лежала навзничь. Удар наносился вот так, — он сцепил руки в замок, поднял их над головой и резко опустил. — Чтобы горло пробить и шейный позвонок ей повредить, ударить из положения стоя убийце было трудно. Поэтому, возможно, он... ладно, остальное мы в прозекторской проверим позже. При вскрытии.

Клавдий Мамонтов понял, что полковник Гушин не желает осматривать тело женщины, задирая на ее впалой груди застиранную линялую футболку на глазах всей оперативной группы. Последняя дань уважения мертвой...

Хотя заслуживала ли жертва уважения?

Помимо запаха крови и куриного бульона на кухне витало стойкое застарелое амбре спиртного. Алкоголем разило и от трупа.

Полковник Гушин вместе с патологоанатомом обследовали голову убитой. В темных коротко стриженных волосах с проседью — сгустки крови.

— У нее помимо ножевой раны черепно-мозговая травма, Федор Матвеевич, — сообщил патологоанатом. — Затылочная область повреждена.

— Именно от этого удара она упала на пол. — Полковник Гушин кивнул. — Ее оглушили, напав сзади здесь, на кухне. Когда она лежала на полу, ей нанесли удар в горло ножом. Добили. Нож взяли из ящика и оставили в ране. А вот предмета, которым

ее оглушили, — он внимательно оглядел кухню, — я здесь не вижу.

— Убийца забрал дубинку с собой? — спросил Макар. — Нелогично как-то.

— Молчи ты, — снова прошипел ему Клавдий Мамонтов, потому что...

Вся опергруппа, присутствующая на месте убийства, все полицейские подмосковного города Чугуногорска, взирали с великим недоверием и плохо скрытой неприязнью на этого типа — яркого блондина — мажора, красавца в рваных джинсах и потертой модной косухе дорогого бренда, которого полковник Гушин привез с собой на осмотр места происшествия.

Первое столкновение «на почве Макара» произошло почти сразу, как только они вдвоем приехали в Чугуногорск, куда полковник Гушин после долгого перерыва в оперативной работе «на земле» выехал на ночь глядя на «бытовое убийство». Во дворе дома жертвы — восьмизэтажки сталинской постройки — их остановили патрульные ППС, не позволяя пройти в подъезд. Клавдия Мамонтова пропустить соглашались, как сотрудника полиции, а вот Макара — нет. А он кто такой? Гражданское лицо? И не здешний житель?

Их обоих пропустили лишь после личного звонка Гушина — и у квартиры жертвы их встретил начальник Чугуногорского отдела полиции в крайне раздраженном состоянии.

— Ты прикомандированный из Бронниц, — грубо бросил он Клавдию Мамонтову, хотя видел его впервые. — Ладно, пусть. Но это что за личность с тобой?

— Мой внештатный сотрудник, мой помощник, — ответил за Мамонтова вышедший из квар-

тиры на площадку к лифту полковник Гушин. — Он в группе по моему разрешению.

— Нарушение правил, — отрезал начальник полиции Чугуногорска.

— Вы начнете мне, начальнику криминального управления и замначальника областного Главка, читать нотации о правилах службы или станете выполнять мои приказы и свои прямые обязанности по организации на местном уровне раскрытия убийства по горячим следам? — холодно, надменно осведомился полковник Гушин. — С кем работать мне, я сам решу, без ваших советов. И повежливее. Ясно?

— Так точно, — во взоре чугуногорского начальника полиции мелькнула неприкрытая злость.

Клавдий Мамонтов ждал, чем закончится перепалка. Да, с Гушиным тягаться местный начальник полиции не мог — мало того, что полковник Гушин — шеф криминального управления, он теперь после тяжело перенесенного ковида и ранения еще и зам. начальника Главка по совместительству. Что ж, судя по выражению лица местного начальника полиции, не рискуя открытым столкновением, он, не откладывая, накатает на Гушина тайный рапорт-донос.

— Предмет, которым потерпевшую ударили сзади по голове, убийца забрал, — Гушин продолжал внимательно оглядывать кухню. — На эту деталь стоит обратить особое внимание.

Клавдий Мамонтов тоже внимательно осматривался по сторонам. Кухня самая обычная — небогатая, ни ремонта продвинутого, ни порядка. Все захлавлено. Мебель кухонная обшарпанная. Холодильник весь в наклейках. Затертые сиденья стульев с пятнами жира. Старые нечищенные кастрюли и сковородки.

Однако кухня с высоким потолком и весьма просторная. И две другие комнаты квартиры тоже просторные, хотя и захламленные, пыльные, небубранные. В большей по размеру комнате раскладной диван, стенка сорокалетней давности, телевизор, женские вещи разбросаны в беспорядке. Другая комната — тоже с продавленным раскладным диваном, письменным столом, постерами музыкальных групп на стенах. В квартире некогда обитали двое.

— Лаврентьева Анна Сергеевна, — полковник Гуштин читал переданный ему оперативником паспорт хозяйки квартиры, который обнаружился в шкафу. — Пятьдесят восемь лет ей. Вчера был ее день рождения, кстати, судя по паспорту.

Он распахнул холодильник. Полупустой — десяток яиц в коробке, хлебница, упаковка сметаны, сковородка с толстым слоем жира. Сковородку не стали даже мыть, готовясь пожарить на старом жире что-то еще — картошку, яичницу... Сунули в холодильник. Однако кое-что хранилось в избытке — банки дешевого пива и две бутылки водки.

Макар нагнулся, извлек стоявшие между раковиной и холодильником три бутылки очень дорогого джина и бутылку марочного коньяка.

— Однако. — Он показал находку Гушину. — Вот на чем она точно не сэкономила.

Полковник Гуштин задумчиво сравнивал дешевое пиво, засунутое Анной Лаврентьевой в холодильник, и дорогой джин и коньяк.

— Интересно, — заметил он. — Ну ладно, проясним... потом... позже... А где ее мобильный?

— Пока мы его не нашли, — откликнулся кто-то из криминалистов, работавших в комнатах квартиры.

Клавдий Мамонтов видел — Гушин о чем-то думает. Бутылки, найденные Макаром, его явно озадачили. Хотя почему? Что мешало женщине-алкоголичке экономить на всем, в том числе и на еде, но позволять себе марочный коньяк и дорогуший джин?

Клавдий Мамонтов снова взглянул на распростертую на полу убитую Анну Сергеевну Лаврентьеву пятидесяти восьми лет. Приземистая, невысокая, широкобедрая, жилистая, темноволосая. По виду ее вроде не скажешь, что она тайком дома пьет. Хотя сейчас утверждать подобное трудно, глядя на бездыханный труп. Но женщин-алкоголичек видно с первого взгляда, вроде как... или нет? Или он таких не встречал в своей жизни?

Лаврентьева была одета по-домашнему — старые спортивные штаны и застиранная футболка. На ногах — тапочки. Когда она упала на пол, они отлетели к раковине.

На лице застыла гримаса боли. В вытаращенных широко открытых глазах — ужас. Видимо, перед ударом ножом в горло она пришла в сознание, несмотря на рану на голове. Она видела нож в руках своего убийцы.

Подбородок густо измазан кровью. На горле зияющая страшная рана.

— Давность смерти пять-шесть часов, судя по состоянию тела, — сообщил патологоанатом.

Макар глянул на наручные часы — одиннадцать вечера.

— Ее убили где-то после пяти часов вечера, точнее скажу при вскрытии. Я труп забираю в морг, у меня как раз окно свободное сегодня на дежурстве. Так что милости прошу, Федор Матвеевич, ко мне в про-

зекторскую на всю ночь. — Патологоанатом профессионально шутил, осматривал кисти рук убитой. — Признаки борьбы с нападавшим отсутствуют. Она не сопротивлялась.

Полковник Гушин из кухни по коридору направился к входной двери. Макар следовал за ним по пятам как прищипленный. Клавдий Мамонтов тоже пошел.

— Федор Матвеевич, два замка и задвижка. И еще цепочка накидная, — все тем же деловитым тоном сообщил Макар Гушину и всей опергруппе Чугуногорска, словно они были глупые и слепые.

— Никаких следов взлома. — Гушин осмотрел стандартную «железную» дверь квартиры. — Она сама открыла, впустила своего убийцу.

Да, все чисто, никакого взлома. А это означает... Клавдий Мамонтов наблюдал, как эксперты обрабатывают дверь, ручку и дверную коробку реагентами.

— Кто ее обнаружил? Кто вызвал полицию? — спросил Гушин.

— Ее сын Алексей Лаврентьев, — ответил начальник Чугуногорского отдела полиции. — Мы его пока не опрашивали, но задержали до выяснения. Он внизу в патрульной машине с нашими сотрудниками.

— Пригласите его сюда, пусть они поднимутся в квартиру, — распорядился полковник Гушин. — Я сам с ним поговорю. И займитесь соседями.

Квартира Лаврентьевой располагалась на втором этаже. Окна выходили во двор, через который можно было попасть прямо на главную площадь городка — к супермаркету и закрытому кинотеатру. За окнами — ночь. Скупой свет фонарей.

ТОТ, КТО ОБНАРУЖИЛ ТРУП

— Иногда они возвращаются, — шепнул Макар Клавдию Мамонтову, пока они ждали, когда оперативники приведут сына Лаврентьевой в квартиру. — На место убийства. Потому что им кажется, что они что-то позабыли, какую-то важную улику, которую надо забрать. Или же чтобы их ДНК появилось на месте убийства для запутывания расследования. Поэтому они возвращаются и разыгрывают из себя *того, кто первым обнаружил труп*.

— Они семья, мать и сын, он бывал здесь, его ДНК и так есть в квартире, — тоже шепотом ответил Клавдий Мамонтов неугомонному другу-всезнайке. — Гущин не потому так поступает. Обычно подобного не делают — свидетелей и родственников на место убийства не допускают. А наш правила нарушает специально.

— Зачем?

— Он сам хочет посмотреть его реакцию. Публичную реакцию сына на убитую мать — в присутствии всей опергруппы.

Сын Анны Лаврентьевой Алексей оказался внешне ничем не примечательным молодым человеком. Самым обычным, каких немало. Лет двадцати восьми, худой, высокий.

— Мама...

Он сразу ринулся к трупу, вокруг которого уже хлопотали эксперты, упаковывая его в пластиковый мешок. Лицо его исказила гримаса. Боль... да, ее было в избытке. Но Клавдию Мамонтову, внимательно наблюдавшему за парнем, показалось, что кроме боли

присутствовало и нечто еще — тщательно скрытое любопытство, смятение, страх и... облегчение.

Полковник Гушин наблюдал за реакцией, он сразу преградил парню дорогу:

— Считаем, что вы ее официально опознали. Это ваша мать Анна Сергеевна Лаврентьева?

— Да... она... мама... Я же ее нашел здесь. Я сразу позвонил в полицию, — фальцет Алексея Лаврентьева дребезжал.

— Пройдемте в вашу комнату, — предложил Гушин и под неодобрительными взглядами чугуногорских полицейских демонстративно кивнул Мамонтову и Макару: за мной.

Они оставили экспертов-криминалистов заканчивать осмотр.

— Что произошло? — спросил полковник Гушин Лаврентьева, плотно закрывая дверь в комнату, чтобы им не мешали. — Я так понимаю, вы с матерью в данный момент не живете?

— Нет. Мы с женой снимаем квартиру в Жуковском. К матери я заезжал время от времени. Мама... я никак в себя не могу прийти... что же это? Грабитель? Вор?! Но когда я вошел, вроде все было в порядке в прихожей и в комнатах, а вот на кухне... Мама...

Мама... Он повторял снова и снова и с разными интонациями. Отчаяние... боль... Искренние или наигранные? Клавдий Мамонтов затруднялся определить. Макар мог бы помочь — он актер по жизни и чутко улавливает эмоциональную фальшь. Однако Макар сосредоточенно молчал, слушал, смотрел.

— Итак, признаков ограбления вы не увидели. Но, может, все же из квартиры что-то пропало? Что-то ценное? Вы не смотрели, не проверяли? — осведомился Гушин.

— Я ничего не проверял. Я вообще боялся что-либо трогать. Я сразу позвонил в полицию. Потом жене... Даше позвонил. Она позже приехала, но ваши сотрудники даже не позволили нам поговорить.

— Таковы правила. Вы открыли дверь своим ключом? — продолжал спрашивать Гушин.

— Конечно, у меня ключи, это же и моя квартира тоже. Я весь день звонил матери... то есть маме... Она не отвечала. И я начал волноваться — мало ли... Решил приехать.

Лаврентьев произнес слова «мать» и «мама» разным тоном — первое почти безразличным, а вот затем словно спохватился, добавил горечи в интонацию.

— Ваша мать чем-то болела? Раз вы встревожились?

— Нет, она не болела.

— Она пила? — прямо спросил полковник Гушин. Парень глянул на него и вспыхнул.

— Нет, нет, что вы... с какой стати? Как это пила?

— Злоупотребляла алкоголем?

— Нет. Да нет же.

Сын защищал мать.

— Разрешите ваш мобильный посмотреть, — полковник Гушин протянул руку.

Парень достал из кармана джинсов смартфон и протянул его Гушину.

— Пожалуйста, у меня нет пароля. Смотрите. Вот мои звонки матери.

Макар через плечо Гушина тоже заглянул.

— Пять раз звонили вы ей сегодня. И поздно вечером решили приехать. После работы? Как освободились? — уточнил Гушин.

— Я сейчас временно не работаю. Наш магазин закрылся.

— Магазин чего, где?

— В торговом центре в Жуковском, магазин спорттоваров.

— А ваша жена работает?

— Нет. Тоже потеряла работу. Их бутик владелец закрыл, обанкротился. Там же, в торговом центре.

— То есть вы оба сейчас безработные?

— Да. — Лаврентьев опустил голову.

— И снимаете квартиру... А чего с матерью не хотели жить в таких обстоятельствах? Все экономия средств, а квартира ваша просторная, всем места бы хватило, — полковник Гушин задавал свои вопросы спокойно, житейски.

— Квартира деда и бабушки, наше наследство. А мы с женой всегда желали жить отдельно. С матерью... с мамой было непросто Даше сосуществовать.

— Свекровь и невестка?

— Типа того, — Лаврентьев отвечал нехотя.

— На что жила ваша мать? Где и кем она работала?

— На складе медоборудования для сети зубных клиник в Жуковском, она ездила на электричке. Склад круглосуточный и график удобный — сутки дежурила и двое отдыхала.

«Сутки работала и двое пила втихаря дома», — подумал Клавдий Мамонтов.

— Судя по всему, ваша мать сама впустила своего убийцу в квартиру, — заметил полковник Гушин. — Она была столь доверчивой? Всем дверь открывала?

— Нет, что вы. Она даже газовщиков порой отказывалась пускать! Она так просто людям не верила.

— Ну, тогда, значит, убийцу она хорошо знала и не боялась его. — Гушин внимательно смотрел на парня. — Логично, правда? Мы станем проверять весь круг ее знакомых, друзей и родственников.

— У матери нет друзей. И подруг тоже.

— С мужчинами она встречалась?

— Она же пожилая!

Полковник Гушин, который сам был моложе потерпевшей всего на два года, хмыкнул:

— Мда... ясно с этим. Ну а ваши родственники?

— У нас есть только тетка Женя. Двоюродная сестра матери. Евгения Лаврентьева, она живет в Бронницах на озере, ей муж бывший дом хороший оставил после смерти.

— Адрес, пожалуйста, — попросил полковник Гушин.

Лаврентьев продиктовал, и Клавдий Мамонтов записал в свой смартфон.

— Осмотритесь в комнате — все на месте? — спросил Гушин.

Парень огляделся — нехотя, словно бы... и кивнул.

— Пройдите в другую комнату, в прихожую, — Гушин открыл дверь и кивнул оперативнику. — Все тоже внимательно проверьте — все ли на месте? И кстати... где телефон вашей матери?

— Что? — парень обернулся. — Мобильный? От городского она давно отказалась, чтобы не платить. Я не знаю... а что, мобилы нет?

— Нет. Но он ведь был — вы ей звонили. И телефон не отвечал.

Лаврентьев пожал плечами.

Комнату матери он осмотрел опять как бы нехотя — в присутствии полицейских — и сообщил, что «вроде ничего не пропало».

Когда его увели из квартиры — Гушин распорядился, чтобы он пока ждал в полицейской машине на улице, — оперативники, производившие обыск,

показали то, что нашли сами, — портмоне Лаврентьевой с пятью тысячами и картой Сбербанка. Кроме того, в шкафу среди постельного белья они нашли косметичку, а в ней перетянутые резинкой пачки денег — в одной двести тысяч и в другой пятьдесят тысяч. В серванте под стопкой тарелок обнаружилась еще одна перетянутая резинкой пачка купюр — пятьдесят тысяч.

Клавдий Мамонтов счел это сбережениями Анны Лаврентьевой «на черный день». А полковник Гуцин распорядился обработать купюры на предмет обнаружения дактилоскопии.

— Мне здесь надо закончить с осмотром, — объявил он Клавдию Мамонтову и Макару. — Спуститесь вниз и переговорите с женой Лаврентьева. Клавдий, включишь видеосвязь для меня, чтобы я был в курсе, чего она там покажет. И потом плотно займемся соседями.

Клавдий Мамонтов снова достал смартфон. Так, по «видеосвязи», они уже прежде работали с полковником Гуциным, который тяжело, почти смертельно переболев, никак не мог преодолеть свой «постковидный синдром» и страх заразиться снова. Для преодоления того страха потребовались радикальные меры — фактически Гуцин добровольно пошел на то, чтобы пожертвовать собой, своей жизнью. Он спас дочку Макара Августу¹. Но преодолел ли он свой внутренний страх до конца? Этот сложный вопрос Клавдий Мамонтов пока еще для себя не решил.

---

¹ Подробно об этом рассказано в романе Т. Степановой «Перекресток трех дорог».

ЖЕНА И СОСЕДИ

— Мой муж весь день находился со мной дома. Мы сейчас временно оба не работаем, — объявила Макару и Клавдию Мамонтову, включившему видеозвонок для полковника Гущина на смартфоне, жена Лаврентьева Дарья.

По возрасту моложе Алексея Лаврентьева — этакая фигуристая кубышечка-дюймовочка с распущенными светлыми густыми волосами. На ее ухоженном личике читалась тревога, страх и... еще какое-то очень сложное выражение. Облегчение? Как и у мужа, когда оперативники привели его на кухню. Дарью оперативники попросили ждать в полицейской машине отдельно от мужа, и она то и дело бросала в сторону полицейского фургона, куда вернули Алексея Лаврентьева, быстрые красноречивые взгляды.

— Так весь день дома и сидели оба? Погода хорошая, май. Правда, холодный выдался, — светски заметил Макар.

— Вышли прогуляться на полчаса, но это днем. Муж звонил матери, но она не брала трубку, — ответила Дарья быстро и заученно. — Он звонил ей несколько раз.

— Тревожился о ее состоянии. — Клавдий Мамонтов понимающе кивнул. — Трезвая она или уже нет, да?

— Да... то есть нет... Ну, короче, да. — Дарья кивнула. — Она порой напивалась, когда у нее выходной. Леша беспокоился. Пьяная могла и газ открыть, и еще черт знает что сделать. Навредить квартире.

— Ее убили жестоко, — сказал Макар, глядя на молодую женщину.

— Ох, да... ужасно... Когда он мне позвонил и сообщил, я прямо так и села. То есть чуть не упала. Не знала, что и сказать, все слова растеряла. А он мне: «Звони риелтору, отменяй все. Пусть он вообще больше не звонит нам, не возникает, исчезнет...»

— Риелтор? — переспросил Клавдий Мамонтов, прибавляя громкости в смартфоне, чтобы полковник Гушин, занятый в квартире, тоже ничего не упустил.

— Детка, какой еще риелтор? — мягко поинтересовался Макар.

— Нет, нет, это вообще к делу не относится... это я так. — Пухлые щечки Дарьи вспыхнули. Она закусила нижнюю губу.

— Риелтор, недвижимость... ассоциация прямая... свекровь — пьянь, живет одна в неплохой квартире, только запущенной, но все равно недвижимость денег стоит, — рассуждал Макар все так же мягко. — А вы квартиру снимаете и работу потеряли оба. Чем платить в следующем месяце за съём? Квартиру ведь можно продать — и купить две однушки... Для этого риелторы и существуют.

— Да нет же! — воскликнула Дарья. — Я просто оговорила.

— Ну да, а когда хозяйка квартиры отправлена на тот свет, и риелтор уже не нужен, наследник получает все, сын после матери, — закончил Макар уже иным тоном.

— Вы на что намекаете? — Дарья выпрямилась.

— На то, что вы, возможно, создаете своему мужу алиби, утверждая, что он весь день находился с вами, а не ездил во второй половине дня в Чугуногорск к себе домой.

— Да пошел ты! — Дарья круто обернулась к Макару. — Муж мой был со мной, я и в суде поклянусь. Может, и правда, что мамаша его была редкая сука — жадная и злая. Вы, полиция, конечно, выясните потом, какая она была на самом деле. Но Лешка ее не убивал!

— А кто говорит, что ваш муж убийца? — спросил Клавдий Мамонтов.

Она лишь глянула на него исподлобья. Тяжелый взгляд... неприязнь, если не скрытая ненависть.

— Так когда муж уехал в Чугуногорск? — уточнил Клавдий Мамонтов.

— В начале десятого вечера, на автобусе рейсовом, — холодно ответила Дарья. — Захотел проверить, все ли в порядке в квартире с мамашей-пьяницей. А через час он позвонил мне и... Она была уже мертвая там... дома.

Полковник Гушин по видеосвязи допрос жены никак не прокомментировал. Попросил подняться на третий этаж — переговорить с жильцами квартиры, расположенной над квартирой Лаврентьевой. Когда они вернулись в подъезд, Макар сказал, адресуясь к смартфону Клавдия:

— Федор Матвеевич, а вы заметили в телефоне сынка сегодняшние звонки? Пять звонков. И там еще есть на ее же номер — только трехдневной давности. А вчера, как вы нам сказали, у Анны Лаврентьевой был день рождения. Так вот в день рождения сынок ей не звонил.

— Спасибо, Макар, я внимания не обратил, — ответил Гушин. — Зоркий ты парень. Да, интересная деталь, тоже в копилку.

На третьем этаже Клавдия и Макара свидетели ничем особенным не порадовали. В квартире проживала

лежащая больная старуха, которой сердобольные родственники наняли сиделку — узбечку. В квартире находился и ее муж — гастарбайтер. Он вернулся с работы поздно и вообще ничего не мог сказать. Сиделка по-русски говорила плохо, выглядела крайне обеспокоенной, все время пыталась кое-как объяснить, что у мужа ее есть патент на работу, а вот она «свой еще оформлять». Клавдий Мамонтов с трудом ее разговаривал — она поведала, что живут они в квартире больной старухи, не платя за съём, в счет оплаты идет ее уход за больной — такой уговор у нее с родственниками. И что про жильцов дома она вообще ничего не знает, не интересуется делами посторонних и никуда не лезет.

— Но, может быть, вы что-то слышали днем? — спросил Клавдий Мамонтов. — Крики в квартире внизу, шум борьбы, стук, грохот?

— Нет, я не слышать. Я с бабка заняться круглый день. Не поесть даже. Бабка под себя все. Я убирать за ней. — Сиделка трясла темноволосой головой. — А грохот... упасть что-то... я не знаю. Я думать, это на улице.

— Когда вы услышали грохот? Во сколько?

— Я не знать. После как я бабка мыть и памперс менять.

Когда они покинули верхнюю квартиру и спустились на второй этаж, на площадке их встретил полковник Гущин. Из квартиры напротив по приглашению оперативников вышли соседи — муж и жена, оба средних лет, приличные на вид люди, интеллигентные. Они вернулись домой с работы из Жуковского лишь в десятом часу, когда Алексей Лаврентьев уже вызвал полицию, и о том, что днем творилось в соседней квартире, сказать ничего не могли. Но это были

единственные соседи на этаже — две остальные квартиры пустовали, их хозяева — пенсионеры — с начала мая переехали на дачи.

— Ее убили? — испуганно спросила соседка. — Ограбление?

— Не похоже, — доверительно ответил ей полковник Гушин. — Ничего ценного из квартиры не пропало.

— А кто же тогда убил? Сын? — ахнула соседка.

— Марина, молчи, не наше дело сплетни собирать, — сухо оборвал ее муж.

— Не сплетни, а факты. Все на наших глазах тогда произошло, — парировала соседка тревожно. — Так это сын ее убил?

— Идет следствие, все версии проверяются. — Полковник Гушин пожал плечами. — А что случилось на ваших глазах? Какие такие факты?

— У них последние месяцы постоянно шли скандалы из-за квартиры, — ответила соседка. — Через их дверь все слышно — как они орала, когда он приезжал. Ссорились и раньше, когда он женился, — он ведь новобрачную сначала домой привел, к матери, но они и двух недель не прожили, уехали. И он стал очень редко бывать, мы с мужем его почти не видели. Но потом месяца два назад он снова появился здесь — я с ним в подъезде не раз сталкивалась вечером. Один раз он приехал с какой-то женщиной на машине.

— С женщиной на машине? — уточнил Гушин. Клавдий Мамонтов и Макар внимательно слушали.

— Я подумала — новая, что ли, у него пассия? Но это оказалась риелтор. Соседка Аня их и на порог не пустила, дверь им не открыла. Они орала друг на друга с сыном через дверь. Я так поняла, сын уже по-

купателей нашел на квартиру, ну, чтобы разъехаться им окончательно. А соседка наша ни в какую. Такой скандалище...

— Она ведь злоупотребляла алкоголем? — спросил Гушин.

— Она порой позволяла себе лишнее, — сухо ответил ему супруг болтливой соседки. — Чтобы в стельку пьяная или падала, такого мы с женой не замечали. Мало ли какие у людей обстоятельства. Люди не с радости пьют, с горя. Она работала. А что она дома делала в свои выходные — не наше дело.

— Ну да, а ты вспомни, что тут творилось месяц назад, — раздраженно перебила его жена.

— Что творилось? — полковник Гушин выказывал живейший интерес к ее показаниям.

— Да то, что мы с мужем хотели полицию вызывать, только... уж пожалели их... чтобы не позорить... потому что он кровь вытер и уехал сразу...

— Кровь? Кто? — встрял в разговор неугомонный Макар.

— Сынок, — соседка окинула его взглядом. — Уже после приезда риелтора все случилось. Сынок Леша снова появился у матери, и они опять орали друг на друга. А потом мы слышим — они орут уже на лестничной клетке. Она его буквально вытолкала из квартиры. Она была пьяная и злая как мегера. Мы с мужем открыли дверь — она даже не отреагировала на нас, не утихомирилась. Напротив, схватила сынка за куртку и... Да что же ты молчишь! — соседка обернулась к мужу. — Скажи им все. Это ведь ты их разнял. А то она бы его точно убила!

— Они конфликтовали, то есть фактически они подрались. — Сосед тяжело вздохнул. — Причем это Анна напала на него, а парень лишь защищался. Он

ее даже не ударил ни разу — я свидетель. Он руками от нее закрывался. А она схватила его за одежду и...

— Что? — спросил полковник Гушин.

— Она била его остервенело головой об стену. Кричала: «Ты меня ради своей проститутки нищей хочешь сделать бомжом, квартиру спустить ради своей шлюхи... Меня, мать, ты обездолжить, разорить хочешь...» И матом его, и по-всякому: «Подонки, урод...» Столько ненависти... А ведь это мать и сын, родные люди. Так сказать, традиционные семейные наши ценности.

— Вы их разняли?

— Я ее схватил за плечи и оттащил от него. А парень бегом вниз по лестнице, кровь из носа у него хлестала, она ему до этого нос разбила кулаком. А на наших глазах головой об стену...

Головой об стену... Клавдий Мамонтов вспомнил слова эксперта — черепно-мозговая травма Лаврентьевой, удар сзади по затылку. Но нигде в квартире — ни в комнатах, ни в коридоре, ни на кухне на стенах — нет кровавых пятен. Только на полу лужа крови. Убийца не бил Лаврентьеву головой об стену. Оглушил каким-то предметом, которого на месте происшествия сейчас нет. Почему? Не потому ли, что он мог как-то выдать убийцу, указать прямо на него?

ГЛАВА 5

ДВА МАНДАЛОРЦА И КАРАПУЗЫ

Несколькими часами ранее

В десять вечера Клавдий Мамонтов на своем старом внедорожнике подъехал к воротам дома на Бельском озере и открыл их с пульта. По парковой аллее

медленно катил к особняку, построенному еще покойным отцом Макара Псалтырникова. Макар в начале мая со всем своим немалым семейством — тремя маленькими детьми, старой гувернанткой Верой Павловной и верной горничной Машей — перебрался сюда из Москвы на лето и осень.

Спустя неделю ему пришлось срочно уехать самому — в Петербурге во время судебного процесса скончался семейный адвокат семьи Псалтырниковых. Старика хватил инфаркт. По завещанию он желал, чтобы его похоронили в Иерусалиме, где жила его многочисленная родня. Макар отправился сначала в Петербург, взяв организацию похорон на себя, затем на арендованном частном самолете улетел с прахом покойного в Тель-Авив и в Иерусалим. Дома он отсутствовал семь дней. И все эти дни Клавдий Мамонтов, по-прежнему обитавший на родительской профессорской даче в подмосковных Бронницах, где он служил в местной полиции, каждый вечер приезжал к Макару в поместье и оставался там ночевать — дети, старуха-гувернантка и горничная нуждались в защите в большом пустом доме на берегу озера.

Вот и сегодня, когда уже почти стемнело, он позвонил во входную дверь — ему открыла горничная Маша. Она еще больше располнела. В ее пятьдесят с лишним лет высокий статный Клавдий Мамонтов действовал на нее так, что она вспыхивала словно девочка, конфузилась, все пересаливала, роняла тарелки на пол, мчалась на кухню и начинала фанатично месить тесто для пирогов, выпекая их в огромном количестве — и сдобы, и плюшки, и английские мясные пироги с почками, и русские кулебяки. Клавдий Мамонтов мучного не любил, но вида не показывал.

Чего не сделаешь для влюбленной женщины, перешагнувшей свой пятый десяток?

В холл навстречу Клавдию из гостиной выбежали дочки Макара: младшая Лидочка и старшая Августа, они еще не легли спать, хотя уже облачились в пижамы. Обе они подросли. Он нагнулся и обнял девочку. Лидочка, делавшая успехи в русском языке (ее родным был английский, так как она родилась в Лондоне, когда Макар еще жил в Англии), зашептала ему что-то оживленно — он не понял — друг, prince Frog¹. Августа, как всегда, молчала. Она не говорила с рождения. После трагических и страшных событий прошлого дела, когда полковник Гущин, поставив на кон свою жизнь и получив серьезное ранение, спас Августу, вся семья надеялась, что пережитый шок станет для девочки эмоциональной встряской и она начнет говорить. Так утверждала гувернантка Вера Павловна. Однако Августа не заговорила. Но она продолжала рисовать — и в планшете, и на бумаге. И ее рисунки становились все более сложными, интересными, изощренными, словно некая головоломка, ребус, загадка.

Вместе с девочками Клавдий прошел в гостиную, где его встретила Вера Павловна с маленьким сыном Макара Александром, которого Клавдий звал Сашхен. В свои год и три месяца Сашхен, кудрявый карапуз-купидон, лепетал, смеялся, однако за все время своей коротенькой жизни так ни разу и не заплакал. Чем приводил в великое восхищение полковника Федора Матвеевича Гущина — мол, кремень парень растет, это ж надо, какой характер закладывается!

---

¹ Принц лягушка (*англ.*).

Сашхен потянулся к Клавдию сразу, как увидел, расплываясь в улыбке, лепеча. Очутившись у него на руках, обнял пухлыми ручками и цепко схватил левой маленькой «клешней» Клавдия за ухо. Прижимая к себе крохотное тельце малыша, Клавдий ощутил прилив счастья.

— Добрый вечер, Вера Павловна, — поздоровался он со старой чопорной гувернанткой, в прошлом «училкой» английского в элитной московской школе, переманенной Макаром к своим дочкам. — Маша, спасибо, я ужинать не буду, — с ходу он пресек заплывшие намерения горничной «кормить и угощать». — Я по делу срочному к Макару. А где он?

— Добрый вечер, Клавдий. Как хорошо, что вы опять приехали! Наш объявил, что он на вечернюю пробежку к озеру, — гувернантка Вера Павловна изрекла фразу неким особым тоном, хорошо понятным только ей и Клавдию. — Ну а что мы с Машей можем с ним сделать? Он взрослый человек! Он после похорон и поездки в Иерусалим в угнетенном состоянии духа пребывает. Скорбит. Клавдий, может, вы на него снова повлияете, а? Пресечете в корне!

Клавдий, держа на руках малыша Сашхена, тоже решившего поучаствовать в разговоре с громкими: «Ууууу! Уххх!» — лишь головой покачал. Оглядел гостиную. Кожаная мебель, огромное окно, за которым темнота майской ночи, рояль Макара, камин... И дыра в лофтовой кирпичной стене, некогда пробитая железным кулаком Циклопа¹... Ее так и не заделали, словно оставили как напоминание.

---

¹ Подробно об этом рассказано в романе Т. Степановой «Циклоп и нимфа».

Дом на Бельском озере, который в оные времена воспринимался Клавдием враждебной неизведанной территорией, где случилось столько событий — ревность, любовь, убийства, отравление, теперь, по прошествии времени воспринимался им как родной дом, куда хотелось приезжать снова и снова, потому что сердце властно звало его — к Макару, ставшему ему больше чем другом, братом, к детям, к старухе-училке и втюрившейся в него на склоне лет пышке-горничной.

— Сейчас я его разыщу и мозги вправлю, пресеку в корне! Не волнуйтесь, — пообещал он Вере Павловне, передавая ей снова Сашхена, который недовольно кряхтел — он соскучился по Клавдию и не желал расставаться с ним.

Покинув дом, идя по липовой аллее к озеру, Мамонтов зорко осматривался по сторонам — темный парк, подсветка горит лишь кое-где в траве. Макара на пробежке что-то не видно. Оно и понятно...

Семейная идиллия в богатом доме на Бельском озере. Как бы не так! Все намного сложнее и печальнее.

Если дома в комнатах за прошедшую неделю в отсутствие Макара Клавдий отыскал и ликвидировал все его тайники со спрятанным спиртным, то парк он не мог весь прочесать. А Макар, как истый алкоголик, оставлял себе запасы выпивки в самых разных местах — например, в дуплах старых деревьев. Чертовы заначки!

Макара он узрел на берегу озера. Друг его сидел в темноте в плетеном кресле за садовым столом и мечтательно созерцал полную луну, плывущую в облаках и отражающуюся в черной воде. Медитировал?

Черта с два! На столе перед ним стояла бутылка скотча. Правда, пока еще непочатая.

— Привет. Так-то ты бегаешь перед сном? — грозно спросил Клавдий, подходя.

— Клава, радость моя, привет! — Макар просиял и потрянул светлой челкой, упавшей ему на глаза. — Кого жаждала моя истерзанная душа в этот час, того судьба и послала. Черт принес тебя, Клабочка! Сие надо отметить. Жаль, стакана граненого нет. Ну, мы из горла, отпразднуем. — И он потянулся к бутылке.

Клавдий Мамонтов сразу же блокировал его по-ползновению своей левой. Пресек. Он видел — Макар, к счастью, пока еще трезв, не успел приложиться к скотчу.

— У меня много новостей, — сообщил Клавдий. За «Клаву» в свой адрес он обычно сразу бил в «морду как в бубен» всякого, но... только не Макара. Ему он позволял называть себя Клавой, потому что... ну, не драться же им из-за этого постоянно?

Он забрал бутылку и... швырнул ее в озеро. Макар взвыл, как волк на луну: «Уааа!» — и продолжал выть, явно корча из себя вервольфа. Он сидел в кресле в расслабленной позе и выл, выл волком, и эхо в парке и над озером подхватывало его вурдалачий вой.

— Проехали, Макар, — спокойно отреагировал Клавдий Мамонтов. — Новость первая — наш общий друг майор Денис Скворцов, прежний начальник здешнего УВД, покинул Бронницы и перевелся на службу в Читу. Ты слышишь? Уехал, бросив здесь все, только чтобы иметь каждый месяц в Чите свидания с Меланьей.

Макар оборвал свой стебный вой, глянул на друга. Его бывшая жена Меланья — красавица, отравительница — по приговору суда отбывала свой долгий срок

в колонии под Читой. Туда к ней и уехал влюбленный в нее майор Скворцов.

— Безрассудный мент. — Макар снова ладонью отбросил упавшую челку с глаз. — Но к этому шло. И все для меня давно в прошлом. Тебе ли, Клава, не знать.

Клавдий Мамонтов кивнул.

— Та моя жизнь и та история закончены. Вот и смерть адвоката, друга моего отца, словно бы подвела под прошлым жирную черту. А что в настоящем... Весна, май, наш дом на озере, дочки, сын... Пока я хоронил в Иерусалиме старика, у моих принцесс завелся какой-то тайный воображаемый друг здесь. Представляешь? Лидочка что-то темнит, скрытничает. Августа ее, кажется, к этому воображаемому тайному другу ревнует. Лидочка фантазирует, здесь ведь нет других мелких... Вот они с Августой и играют между собой, придумывают что-то.

— Тебе пора самому повзрослеть и осознать, что ты отец троих детей. Как в Риме говорили — *pater familia*, глава семейства, — назидательно изрек Клавдий Мамонтов. — Новость вторая. Я написал сегодня рапорт. Я ухожу из полиции. Всегда хотел уйти и служил, но... теперь все, баста. Рапорт подал на увольнение.

— И это ожидаемо. — Макар встал, подошел к другу. — Я знал, что ты рано или поздно уйдешь.

— С меня хватит.

— Ну и отлично, братан! — Макар и Клавдий ударили кулак об кулак. — И будешь теперь всегда с нами. Сам говорил — здесь жить без охраны нельзя, на меня надежды никакой. Потому что я алкаш, но притом многодетный отец. Безалаберный и беспечный... Ты станешь нашим защитником, телохраните-

лем моих детей и старух, надеждой нашей и опорой. Мы друзья с тобой, и я денег тьму потерял в последнее время, как и все, но платить тебе зарплату втрое больше ментовской я все еще в силах.

— Не хвались, едучи на рать, — Клавдий усмехнулся. — Мажором ты был и останешься мажором даже без бабла. Но насчет охраны — да, придется мне вами заняться. Вполне возможно, скоро начнут грабить богатые дома и угонять, разбирать на запчасти крутые тачки. Так что ты в зоне риска.

— И какая третья новость? — Макар несколько напрягся. — Объявишь мне, что ты женишься кое на ком?

Они глянули друг на друга. Соперники и враги в прошлом, а теперь почти братья, родные люди по духу, по жизни. Однако все еще... соперники...

— Я со второй новостью не закончил. Насчет того, чтобы стать вашим телохранителем семейным — есть одна загвоздка. У меня черная метка в профессии, я тебе говорил. Прежнего своего клиента я не уберег, потому и ушел в полицию. Я ушел с позором из охраны, бесславно.

— Ну а у меня бывшая жена — отравительница, и что близкие мне люди здесь творили, ты тоже знаешь отлично. — Макар вздохнул. — Так что оба мы с тобой жизнью ушибленные, Клава. Потому, наверное, нам так легко друг с другом. А в наше время, когда столько ненависти, злобы, которой мы уже нахлебались досыта, одно осознание, что у тебя есть друг верный... Клава, я порой сейчас не хочу просыпаться по утрам, ты понимаешь? Меня ничего уже в нашей резко изменившейся жизни не держит. Только мои дети. Я живу ради них. Когда совсем уж беспросветное отчаяние охватывает меня, я обращаюсь мыслями

к тебе — какой ты весь из себя правильный, и благородный, и... стойкий, Клава. Я не прикалываюсь, правду говорю. И нахожу утешение, пример для подражания...

— Ты подражать никому не можешь. Ты сам по себе. Тот еще фрукт ты. — Клавдий невесело усмехнулся. — Новость третья. Мне только что звонил наш полковник Гушин.

— Федор Матвеевич? — Макар встрепенулся, ожил сразу.

— Он едет после долгого перерыва работать «на землю», раскрывать убийство. Какую-то бабу прикончили в Чугуногорске в квартире, вроде типичная бытовуха. Но Гушин едет раскрывать лично и позвонил мне. Он меня берет в опергруппу. И про тебя спрашивал: как ты, вернулся уже с земли обетованной? Я сказал: да, так он буркнул, что и тебе не мешает перестать бить баклуши. Намек понял?

— Он хочет, чтобы мы снова работали вместе, как тогда?

— Он предложил — я согласился. Он еще не знает, что я написал рапорт. Я ему не сказал. Рапорт в отделе кадров — улита едет, когда-то будет. Так что с ним я поработаю однозначно. А ты? Хочешь присоединиться?

— Конечно! Да я для Федор Матвеевича... да я все для него! После того, что он для меня сделал, после того, как вы с ним мою Августу спасли, я... Клава, поехали в Чугуногорск! Я не пьян. Я еще развязать не успел.

— Обрадовал. Знаешь, почему, на мой взгляд, наш Гушин взялся за столь банальное дело — бытовое убийство? Он просто увидел, что Чугуногорск в четверти часа езды на машине от Бронниц, где я и ты. Он

по нам соскучился, понимаешь? И по детям соскучился. Он ведь, в сущности, так одинок. А болезнь и ранение, и все, что произошло с ним и с нами, заставило его по-новому взглянуть на жизнь. Он хочет быть с нами опять, Макар. Потому и взялся сам за дело, на которое прежде бы и внимания не обратил.

— Дай мне пару минут, я переоденусь, — Макар уже тащил Клавдия к дому. — На всю ночь с нашим полковником! А потом он приедет к нам и останется здесь на выходные, осчастливив и дочек, и Сашхена, и особенно Веру Павловну. Ну и пусть дело простое. Зато пораньше мы все освободимся и время на отдых у нашего командора появится.

Они в тот момент считали убийство женщины в квартире в Чугуногорске делом простым и банальным. *Знали бы они только, что их ждет впереди.*

ГЛАВА 6

СИНЯКИ

В прозекторской морга, куда они все перекочевали с места убийства, патологоанатом на их глазах осторожно освободил труп Анны Лаврентьевой от одежды. Полковник Гушин зашел в прозекторскую, за ним последовал Макар, получивший, как и полковник, защитную маску и перчатки. А вот Клавдий Мамонтов остался снаружи и наблюдал все через стекло в стене. Не хотелось ему стоять у оцинкованного стола, оглушая себя визгом медицинской пилы.

На груди Лаврентьевой два больших круглых синяка.

— Так я и предполагал, — полковник Гушин разглядывал гематомы.

— Убийца ее бил в грудь? — спросил Макар тихо.

— Нет. Он прижал ее к полу коленями, когда она, оглушенная, лежала навзничь. Лишь из такого положения он мог ударить ее ножом в самый центр горла. Он не перерезал ей горло, а ударил с большой силой сверху вниз, так что лезвие сзади вышло наружу и прикололо несчастную к полу.

Перед внутренним взором Клавдия Мамонтова всплыла картина: он... этот парень... ее сын Алексей опускается на тело поверженной матери, надавливая коленями на ее грудь, вскормившую его во младенчестве, так сильно, что остаются багровые синяки, и вздымает над головой кухонный нож, держа его двумя руками. А она приходит в себя от боли и открывает глаза. И видит его лицо и нож, занесенный над ней. Мать и сын...

— У нее закрытая черепной-мозговая травма затылочной области, как я и определил на месте убийства. Она могла умереть и от нее, — констатировал патологоанатом, осматривая голову Лаврентьевой. — Однако смерть наступила бы не сразу. Убийца хотел вторым ударом подстраховаться — чтобы уже наверняка.

— Женщина могла нанести такие удары или только мужчина? — уточнил Гуцин.

— Вполне могла при известной сноровке и...

Полковник Гуцин сквозь пластиковую маску глянул на эксперта.

— И жестокости. Остервенелости. Ярости. Но это эмпирика, не мои сферы. — Патологоанатом вздохнул. — Определенно можно теперь утверждать, что смерть наступила в промежутке между половиной пятого и шестью часами вечера. В крови потерпевшей обнаружены следы алкоголя. Средняя степень

опьянения. Она была нетрезвая, когда впустила своего убийцу в дом.

— Из-за нетрезвого состояния она не оказывала убийце сопротивления? — снова уточнил полковник Гушин.

— Не думаю. Скорее всего, нападение произошло молниеносно, когда они пришли на кухню. Они вместе миновали коридор, значит...

— Она своего убийцу знала и его не опасалась. — Полковник Гушин кивнул. — Но у него в руках должен был быть какой-то предмет, которым он ее оглушил. Он не вызвал у Лаврентьевой подозрения.

— Или он спрятал его под одеждой, курткой. Ну-с, теперь глянем на ее печень. Что она нам расскажет о ее склонности к спиртному. — Патологоанатом выбрал на столе нужный инструмент.

Следующий час Клавдий Мамонтов старался не смотреть через стекло в прозекторскую. И ждал, что с минуты на минуту и сам полковник Гушин рухнет там в обморок. Но полковник Гушин, некогда и правда терявший сознание при вскрытии, после перенесенной болезни и ранения словно окреп в этом плане. Его, чудом выкарабкавшегося дважды с того света, ужасы прозекторской уже не пугали. А Макар вообще ничего такого не страшился — так и лез под руку эксперту, проявляя к его работе живейший интерес.

— Задержите сынка, Федор Матвеевич? — спросил Макар, когда они в глухой ночной час покинули морг и сели в машину Клавдия Мамонтова.

— Нет, пока не время. — Гушин позвонил оперативникам в Чугуногорский УВД и приказал отпустить и Лаврентьева, и его жену. — Он от нас никуда не денется. То, что мы имеем сейчас, — немного, кос-

венное. Надо дождаться результатов экспертиз всех улик, что обнаружили в квартире. А завтра мы с вами навестим их единственную родственницу Евгению Лаврентьеву. На нее нам надо самим взглянуть, а? И показания ее необходимы.

Клавдий Мамонтов понял — Гуцин колеблется, он не совсем уверен. С его опытом он привык не доверять ситуации, когда в отношении одного-единственного фигуранта копится уж слишком много подозрений. Его вопрос про удар ножом — могла ли женщина нанести... Он неспроста, конечно.

— Значит, завтра к их тетке, а сегодня ко мне всей нашей дружной компанией! — возвестил Макар.

Он не выказывал никаких признаков усталости или тревоги после морга и прозекторской, после той страшной кухни, где пахло кровью и куриной лапшой пополам с перегаром. Все происходящее словно взбудрило его, вытащило из черной беспросветной депрессии, в которой он пребывал.

Они на большой скорости мчались по темному шоссе, свернули на бетонку — уже в родных Бронницах. И до дома Макара на Бельском озере оставалось им совсем немного.

Как вдруг произошло *это*.

То, что впоследствии Клавдий Мамонтов не мог назвать иначе как *дикостью*.

ГЛАВА 7

ДИКОСТЬ

На пути к Макару в гости Клавдий Мамонтов, сидевший за рулем внедорожника, и Макар, устроившийся рядом с ним, то и дело поглядывали на

полковника Гущина, расположившегося на заднем сиденье. Он задумчиво молчал всю дорогу. Клавдий Мамонтов отметил, что Гущин за время реабилитации после госпиталя, недель и месяцев, когда он, еще больной, работал в Главке в кабинете, зарывшись в служебные бумаги и не выезжая на места происшествий, даже не прибавил в весе. Его постковидная худоба стала постоянной. Он по-прежнему страдал отсутствием аппетита. Находивший раньше в обильном застолье радость жизни и способный рассуждать о достоинствах стейков и шашлыков часами, он словно вычеркнул теперь еду и кулинарию из своих предпочтений. Но он выпивал — конечно, не так, как Макар, способный погрузиться в многодневный запой, но позволял себе рюмку коньяка, и нередко. Прежний крепкий жизнерадостный толстяк Федор Матвеевич Гущин изменился навсегда. Теперь, если рисовать его портрет в стиле Пикассо, весь он состоял бы из острых углов и резких линий — на осунувшемся лице выдавались скулы да глаза блестели. В минуты покоя он устремлял взгляд куда-то внутрь себя, словно ища ответы на важные вопросы. Взгляд Гущина смягчался, теплел, лишь когда он обращался к Клавдию и Макару.

Он порой учил их уму-разуму — ненавязчиво, но по-отечески строго. А Макар после событий прошлого страшного дела и спасения Гущиным маленькой Августы просто в рот глядел полковнику, считая его непререкаемым для себя авторитетом. Это своенравный самоуверенный Макар, который и отца родного в грош не ставил и вообще никогда не желал никому подчиняться!

До Бельского озера оставалось всего два километра. Они проезжали придорожный рынок строймате-

риалов и товаров для садоводов. Он тянулся справа от шоссе. Миновали большой павильон «Бухарский стан», который держали узбекские торговцы, потом еще несколько палаток и строений — «Свежее мясо», «Все для дачи». Слева от дороги располагалась автостоянка, дальше шли необработанные поля — пустыри и холмы.

Повинуясь знаку ограничения скорости даже в такой глухой час перед рассветом, Клавдий Мамонтов ехал мимо рынка медленно. Они поравнялись с павильоном «Восточные сладости», как вдруг...

Грохот и звон стекла.

Под колеса внедорожника метнулась фигура в черном — мелькнула в свете фар, перебегая дорогу.

Клавдий Мамонтов, чтобы не сбить безумца, резко крутанул руль вправо, съезжая в кювет к «Восточным сладостям». Макар в сердцах грубо выругался, хотел было выскочить из машины, когда внедорожник, визжа тормозами, остановился, и догнать мерзавца, едва не устроившего ДТП.

Но внезапно...

Глухое рычание... бешеный лай... В предрассветных сумерках, в желтых огнях автомобильных фар, в свете плывущей по серому небу огромной полной луны, в смешении всех этих разных оттенков наступающего утра они увидели, как из окна павильона «Восточные сладости», разбитого вдребезги, вылетают осколки стекла и две огромные лохматые пегие собаки. Два гигантских алабая.

Один пес ростом с теленка перепрыгнул прямо через капот внедорожника, второй с остервенелым лаем пересек шоссе — собаки, рыча, бросились в сторону пустыря и холмов. А по пустырю к холму мчался тот

самый человек, который едва не попал под колеса машины.

Клавдий, Макар и полковник Гушин выскочили из машины.

— Они его сейчас догонят и разорвут! — крикнул Макар. — Надо что-то делать! Эй! — он заорал, стараясь отвлечь алабаев, дать возможность безрассудному идиоту, разбившему окно и выпустившему сторожевых собак павильона, взобраться на холм, на вершине которого росли старые дубы.

Они с Клавдием, крича и размахивая руками, ринулись на пустырь, Гушин сразу отстал. У них не было оружия, чтобы выстрелами отогнать собак, и Клавдий не представлял, что они сами станут делать, если алабаи набросятся на них, но они не могли не вмешаться в ситуацию.

Убегавший проворно взобрался по склону на холм, опережая алабаев на пару минут, не более. Однако он не попытался вскарабкаться на дерево. Нет! Он остановился и повернулся лицом к собакам. Те летели к нему, рыча, оскалив пасти, сверкая налитыми кровью глазами, — две машины для убийства, натасканные, чтобы рвать человеческую плоть.

— Они его загрызут! — Макар бежал к холму. — Клава, что делать? Эй ты, шизик! Лезь на дерево! — орал он, обращаясь к безумцу.

— Это не взрослый, а мальчишка, подросток! — зоркий Клавдий Мамонтов разглядел того, кого преследовали алабаи.

И точно! На вершине холма стоял подросток — уже достаточно рассвело, чтобы они могли его ясно увидеть. Светловолосый, высокий, ловкий. Капюшон черного худи упал с его головы при

беге. Алабаи находились от него на расстоянии не более десяти метров, один прыжок — и собака вопьется ему в живот, сбивая с ног, а вторая перервет горло.

И тут снова произошло нечто невероятное!

Парень вытянул правую руку вперед...

Один алабай резко остановился, словно застыл на месте, а второй на бегу, не совладав с инерцией, перекувырнулся через голову и... дико взыв, начал кататься по траве. Первый попятился и побежал прочь! Второй полз по траве тоже прочь, тряся лохматой головой, рыча, скуля, потом визжа, кое-как поднялся и устремился наутек.

От неожиданности Клавдий и Макар остановились. Кроме воя собак они не слышали никаких других звуков — ни выстрела, ни хлопка. Кругом царила мертвая рассветная тишина. В пепельном свете утра парень на холме стоял несколько секунд прямо и неподвижно, глядя в их сторону. Затем он повернулся и побежал по гребню холма к лесу.

— Эй ты! Стой! — Макар опомнился первым и устремился в погоню.

Однако когда они с Клавдием подбежали к дубам — незнакомец уже спустился по склону и скрылся в лесу. Они не догнали его.

Полковник Гущин, которому марафон по пересеченной местности дался с великим трудом, ждал их у подножия холма, задыхаясь и хватаясь за грудь.

— Что это было? — спросил Макар у него. — Федор Матвеевич, я так и не понял, хотя мы его пытались догнать... Но псы... Как он это сделал? Почему они не напали, убежали?!

Гущин смотрел в сторону павильона и рынка — на первом этаже торгового «Бухарского стана» вспыхнул свет.

Они быстро вернулись через дорогу к машине, к «Восточным сладостям». Собачий вой оглушил их. Два алабая вертелись волчками у крыльца павильона. Трясли головами, выли, выли... Один пытался, вертясь юлой, укусить себя за хвост. Второй снова завалился на спину и катался по асфальту, потом встал — расставив лапы, он обильно мочился и выл, тявкал... На людей они не обращали никакого внимания. Они словно одновременно синхронно сошли с ума.

Разбитое окно «Восточных сладостей» зияло.

— Кондитерский магазин и склад, — определил Гущин. — Возможно, парень захотел что-то украсть, разбил окно и напоролся на собак, их заперли внутри хозяева — охранять товары. А вот что произошло дальше? Как он страшилищ отпугнул...

Он достал мобильный, чтобы вызвать к павильону патруль ППС из Бронниц, надо было зафиксировать проникновение с целью кражи, но...

Крики, шум, брань... Из «Бухарского стана» к «Восточным сладостям» бежали полуодетые люди, вооруженные палками, битами, шпателями, обрезками металлических труб. А из дальних павильонов рынка, из «Свежего мяса» и «Все для дачи», навстречу им мчались другие — тоже с палками и монтировками — человек по десять с каждой стороны. Они яростно, заполошно орали на незнакомых языках. Макара потом сказал — одни на узбекском, другие на таджикском. На Клавдия, Гущина и Макара они не обратили внимания — возможно потому, что

сначала хотели разобраться друг с другом. Видимо, владельцы павильона сладостей обвиняли своих конкурентов в попытке кражи и причинения вреда собакам, а конкуренты не собирались оправдываться. То была застарелая глухая вражда и злоба, и вот она вырвалась наружу, точно пламя тлеющего пожара.

Обе группы сшиблись, и закипело жестокое, кровавое побоище. Клавдий Мамонтов ринулся разнимать дерущихся, он кричал: «Остановитесь! Прекратите! Полиция!» Кричал и Гущин, и Макар, но их никто не слушал. Клавдий разнял двух — узбека и таджика, отшвырнув их друг от друга, но у него было только две руки, и он сам схлопотал сильный удар монтировкой. Полковник Гущин звонил в Бронницы, вызывая уже не ППС, а ОМОН. Люди дрались с таким остервенением, словно намеревались уничтожить друг друга, — кричали от боли, брызгали кровью, падали на землю. Но и на земле противники били их ногами без пощады.

Полиция, воя сиренами, примчалась через четверть часа, и дерущиеся... словно муравьи, они быстро ретировались назад в свои тайные норы, бежали с места драки. Клавдий Мамонтов сумел задержать лишь двоих, схватив их за шиворот. Макар хлопотал возле поверженных, раненых — они валялись на земле со сломанными ногами, перебитыми дубинками руками, разбитыми головами. Одному выбили глаз, и он орал от боли так, что становилось страшно...

Дикость... ненависть... тьма...

Розовая майская заря занималась над рынком. Словно мокрой тряпкой повозили по небесам, размазывая и по ним свежую кровь...

ГЛАВА 8

ШРАМЫ

К Макару утром они так и не попали. Вместо сна и отдыха у озера полковник Гушин отправился в Бронницкий УВД, куда за ним последовал Клавдий Мамонтов, как сотрудник местной полиции, и Макар, конечно же, тоже не отстал. В Бронницах разбирались с массовой дракой мигрантов на рынке. Полиция обыскала все павильоны, однако, кроме раненых, увезенных «Скорыми», задержали не так уж много драчунов. Утром ни один из павильонов так и не открылся, а торговцы — и узбекские и таджикские — словно испарились. Из «Восточных сладостей», как выяснилось, ничего не пропало, лишь окно оказалось разбито. А вот собаки — алабаи...

Макар настаивал и просил Гушина, чтобы собак отвезли к ветеринару на осмотр — что с ними произошло? Гушин соглашался, но все упиралось в хозяина — узбекского торговца. При опросе полицией он заявил, что собаки его собственность и он сам во всем разберется, а на ветклинику у него денег нет. Макар предлагал оплатить ветеринара, но полковник Гушин сказал, что они не могут вмешиваться в решение владельца собак, потому что даже на статью «жестокое обращение с животными» происшедшее не тянуло.

Так это и осталось тайной, к великому сожалению Макара и Клавдия Мамонтова, который тоже хотел разобраться, потому что случай с собаками его не просто озадачил, но...

Он не делился с Макаром пока своими мыслями, однако перед его глазами всплывала картина — па-

рень, подросток, вытянувший руку повелительным жестом, — абсолютно бесстрашно, непоколебимо встречающий нападающих псов, жаждущих его загрызть. И собаки — внезапно остановленные, уstraшенные словно какой-то неведомой силой. Все это на вершине холма, на фоне серого рассветного неба. Что-то зловещее и первобытное, из давних, очень давних, забытых нами, но страшных времен.

В десять утра, закончив разборки с массовой дракой и общей организацией расследования ее последствий, полковник Гушин объявил, что они отправляются к родственнице Анны Лаврентьевой — Евгении Лаврентьевой, благо она проживает совсем недалеко. Клавдий Мамонтов глянул адрес — домовладение Евгении Лаврентьевой находилось на озере, но не на Бельском, а на соседнем Старичном — небольшом водоеме, соединенном протокой-каналом с главным озером Бронниц. Сам Клавдий на Старичном озере не бывал, хотя по-прежнему с приходом весны по выходным дням плавал по Бельскому на своем каноэ.

Когда они по навигатору отыскивали нужный адрес, петляя по проселочным дорогам, оказалось, что дом за высоким забором располагается на отшибе, в окружении полей картофеля и кормовой свеклы. Дом выглядел аккуратно и солидно — двухэтажный, из светлого силикатного кирпича.

Клавдий Мамонтов позвонил в калитку. За забором — голоса.

— Нет, нет, я так спонтанно не принимаю. Я же сказала — только по записи предварительной и по предоплате, — раздался из-за забора женский голос — низкое меццо, словно виолончель, но явные нотки раздражения и досады все же слышались.

— Полиция! Откройте! — возвестил полковник Гушин. — Немедленно.

Калитка распахнулась, и они увидели полную, если не сказать толстую, женщину, закутанную в кашемировую этническую шаль в индийском стиле. Выглядела она лет на пятьдесят. На лице, несмотря на утро, переизбыток яркой косметики. И, кроме того, на щеках угольной краской намалеваны какие-то ритуальные знаки. Черные как смоль крашенные волосы заплетены в две тонких косы, падающие на пышную грудь. Фигура женщины напоминала грушу — очень широкий таз и толстые слоновоподобные ноги. Но глаза... глаза были яркие и темные — настоящие цыганские «очи черные».

— Ох, полиция... да... простите, я решила, клиент ломится без записи с утра пораньше. Аня, моя Аня бедная... Лешка звонил вчера поздно ночью, сказал мне, что ее убили... Я все глаза выплакала, такое горе горькое. — Евгения Лаврентьева — а это была она — произносила фразы медленно, изменившимся тоном, однако лишенным особой скорби по двоюродной сестре. — Пожалуйста, проходите. Это полиция к нам!

Она крикнула громко...

У дома стоял черный «Лексус» — возле него двое мужчин крепкого телосложения в костюмах, по виду явные телохранители. Завидев Гушина, Макара и Клавдия Мамонтова, они молча ринулись в дом и... через пять минут показались с третьим. Субъекта они вели под руки, чуть ли не волочили, а он мотал головой, что-то пьяно орал, упирался, вырывался. Щеголял он лишь в стильном мужском кимоно, и было видно, что под ним он абсолютно голый. Перегаром от него разило за версту.

Клавдий Мамонтов внезапно понял, что видит перед собой известного актера, мелькавшего прежде во многих сериалах. Полковник Гуцин сериалы не смотрел, поэтому спросил:

— Кто такие?

— Мой клиент и его охрана, — ответила Евгения Лаврентьева. — Я занимаюсь купированием запоев, практикую методы древней медицины. У меня есть патент на лечение гомеопатией. Уезжайте! Я сейчас не могу заниматься лечением по личным обстоятельствам, — властно приказала она охранникам.

Те запихали пьяного актера в «Лексус» и, открыв ворота, мгновенно уехали — видимо, тоже не хотели связываться с полицией. Полковник Гуцин им не препятствовал. Он официально представился Евгении Лаврентьевой, закрывшей ворота, и заметил:

— Похвально найти в себе силы заниматься делом во время семейной трагедии. Нам надо с вами, Евгения...

— Стальевна. Мой покойный отец носил имя Сталь.

— ...Евгения Стальевна, с вами побеседовать о вашей двоюродной сестре и ее сыне.

— Прошу. — Евгения Лаврентьева указала на дешевые садовые кресла в кустах.

Клавдий Мамонтов понял — она не пускает их в дом, а у них пока нет власти зайти туда без ее приглашения. Макар внимательно созерцал эксцентричную особу с косами. Он глядел на ее полные руки в браслетах-оберегах. При движении тело Евгении колыхалось. Когда она усаживалась в кресло, шаль разошлась. Под шалью оказались пестрая этническая туника с короткими рукавами и восточные шаровары.

— Это Леша ее убил? — тихо спросила Евгения, встречая любопытный взгляд Макара прямо, бесстрастно, спокойно.

— Мы пока разбираемся. А вы его подозреваете? Своего племянника троюродного? — тоже тихо ответил полковник Гущин — тон беседы сразу стал вроде как доверительный, интимный, но...

Клавдий Мамонтов во всей сцене чувствовал некую тайную фальшь. А Макар все разглядывал руки, предплечья Евгении Стальевны. Она плотно запахла шаль на себе — ветер майский подул холодом.

— Он позвонил мне ночью. Рассказал. Я онемела. Меня как обухом по голове ударило — Аня мертва. — Евгения покачала головой. — Он был не в себе... Леша... сказал, что его долго держали в полиции, сообщил, что это он мать нашел в квартире. Я его сразу спросила, а зачем он приехал? Потому что все прошлые недели...

— И в ее день рождения даже, — подсказал полковник Гущин, — он мать не навещал и не звонил ей в день рождения. У них был конфликт из-за квартиры, как мы выяснили.

— Да, что скрывать. Но это он ее убил? — снова настойчиво спросила Евгения. — Я всегда знала, что добром их вражда, дележ недвижимости не кончится. Я ее предостерегала, советовала — уступи ему, он молодой, он женился, им надо где-то жить с женой, на квартиру они все равно сами не заработают. Отдай ему часть, продай родительскую квартиру, и вы разойдетесь с сыном мирно. Но она меня не слушала. И не из-за сына. Она ненавидела невестку, его избанницу. Такое случается сплошь и рядом. Она не могла ему простить, что он променял ее на девчонку. Так что за ее отказом делить квартиру стояла не жад-

ность, а скорее месть. И это все усугубляло, понимаете?

— Понимаю. — Гущин кивнул. — Вы были близки с Анной? Дружили?

— Мы выросли вместе. Я потеряла в детстве родителей, и мать и отец Ани взяли меня на воспитание. Потом они тоже ушли, и уже Аня заботилась обо мне, она же гораздо старше. Она вышла замуж, родила Лешу, с мужем они быстро разошлись, и он затем тоже умер. И я вышла замуж — за человека намного старше себя. Он владел в те времена молочной фермой в Непряхово, окрестные поля принадлежали ему, целое хозяйство. Сейчас на ферме все по-другому, после смерти супруга оказалось, что дела не так уж и блестящи, долги большие. Мне мало что досталось. Только этот дом.

— Вы экстрасенс, простите? — полюбопытствовал Макар.

— Я шаманка. — Евгения смотрела на них серьезно, с вызовом даже. — Я изучала с юности древние шаманские практики, ездила в Сибирь, на Алтай. Сначала в качестве хобби, но с годами я вникла в практики, в философию древности глубже и ощутила в себе некие способности...

— Общения с духами? В этом же смысл шаманизма? — спросил Макар.

— Способности понимать свойства трав и камней, земли и воды, применять дары природы в качестве лечебных средств. У меня узкая специализация, молодой человек, я не лечу от болезней. Я вывожу клиентов с помощью древних практик из состояния запоя, купирую пьянство. Вы ведь тоже дружите с бутылкой, правда? — Она разглядывала красавца Макара уже с чисто женским любопытством. —

У вас розовая кожа на лице, и она шелушится, один из признаков...

Макар криво усмехнулся. Полковник Гушин кашлянул.

— Ваша кузина Анна тоже страдала алкоголизмом, как мы поняли. Вы ее лечили? Выводили из запоя? — Макар не отступал.

— А у нее не было запоев, — просто ответила Евгения. — Да, она часто выпивала. Покупала себе пиво, иногда что-то покрепче. Но она ни разу не пропускала свои рабочие дни. Она могла остановиться, понимаете? Я ей предлагала свою помощь. Но она говорила: «Женя, а что мне еще остается в жизни, кроме пива?» Сейчас многие в апатии, чувство безысходности превалирует в нашей новой столь изменившейся жизни. И многие ищут утешения в бутылке.

— Мы дома у вашей кухни нашли не только пиво, но и многое другое — запас выпивки капитальный, — заметил Клавдий Мамонтов. — И на момент своей гибели она тоже была нетрезвая.

— Лешу всегда бесило, что она пьет. — Евгения скорбно кивнула.

— Вы со своим племянником общались? — уточнил Гушин.

— Редко. И до его женитьбы, а после — так и вообще он надолго пропадал с моих радаров.

— А когда вы общались с Анной в последний раз?

— Несколько дней назад мы разговаривали по телефону.

— На ее день рождения?

— Нет. Я была занята — как снег на голову свалился срочный клиент в очень тяжелом состоянии, и я занималась в тот день только им. Вошла в транс... Обычная практика, чтобы он видел, элемент психо-

логического воздействия, подавления его воли и тяги к водке.

— Клиент тот, который отсюда только что убрался? — уточнил Клавдий Мамонтов. — Актер сериалов? Забыл его фамилию.

— Он часто запивает — снимается сейчас очень мало. Он в депрессии, но платит щедро, — грустно ответила Евгения.

— А каким образом вы купируете запой? — поинтересовался Макар. — Что используете? Отвары, жабью кровь, менструальные выделения?

— Не иронизируйте. — Евгения вновь прямо встретила его взгляд. — Я понижаю процент алкоголя в крови клиента. Многодневный трудоемкий процесс, не быстрый. Как — это мой профессиональный секрет.

— И вы существуете на доходы с шаманской деятельности? — спросил полковник Гущин.

— Да. У меня все законно. Патент. И я плачу налоги.

— Как бы вы охарактеризовали вашего племянника Алексея? — продолжал он спрашивать.

— Обычный парень, звезд с неба не хватал никогда. Окончил колледж, пошел работать в торговый центр — в спортивный магазин, и все шло у него неплохо. Ну а потом он потерял работу... и жену его уволили. Конечно, раздел квартиры в такой ситуации стал для Леши жизненной необходимостью.

— Или же никакого раздела. Наследство после смерти матери, — сказал Клавдий Мамонтов.

Евгения глянула и на него. И плотнее закуталась в кашемировую шаль.

— Вы его арестуете? — спросила она глухо. — Я не стану ничего против него показывать официально

у следователя и на суде. Ради памяти Ани не стану выставлять напоказ их грязное семейное бельё.

— Ваша Аня била его головой об стену, как нам сообщили соседи, во время недавней драки. — Клавдий Мамонтов не удержался.

— Значит, он ее довел своими требованиями по квартире. У нее сдали нервы. Поймите вы, она его вырастила... Она о нем заботилась много лет. Их отношения долгое время выглядели нормально. Ане в жизни самой пришлось несладко, она хлебнула — мать-одиночка, денег негусто. Но она справлялась. Для меня они оба — родные люди. Я могу лишь скорбеть, оплакивать то, что произошло... Но это точно он ее убил?

Полковник Гущин молчал. И Евгения Стальевна Лаврентьева, видимо, истолковала его молчание определенным образом. На ее «черные очи» навернулись слезы. И вот она уже рыдала, всхлипывала, сморкаясь в скомканный бумажный платок, вытасканный из кармана восточных шаровар.

Больше они от нее так ничего и не добились, потому что она никак не могла успокоиться.

В машине по дороге в Чугуногорск они сначала тоже молчали, переваривали разговор с шаманкой. Надо же какая экзотика после кухни с опрокинутой кастрюлькой куриной лапши! А затем Макар спросил:

— А вы обратили внимание на ее руки? У нее на руках шрамы.

— Не просто шрамы, — ответил полковник Гущин. — А следы ножевых порезов — плохо зажившие еще. Два на правом предплечье и один очень глубокий на левой руке у сгиба локтя. Вид такой у порезов, что давность их нанесения — не больше двух месяцев.

— Могла нанести себе сама в каком-то шаманском ритуале. — Макар покачал головой. — Кто знает, может, она в транс вошла, шаманы в таком состоянии боли не чувствуют. Ей нужна была собственная кровь для какого-то снадобья.

— Она не настоящая шаманка, — возразил полковник Гушин. — Обманщица она, играет роль перед клиентами. Я вообще не верю ни в каких шаманов с некоторых пор. На фанатика-язычника, а мы с вами их повидали, она уж точно не похожа.

— Если не она сама себя поранила в ритуале ножом, то, выходит, она от кого-то защищалась? Закрывалась руками от ножа? На нее кто-то напал с ножом? — спросил Клавдий Мамонтов. — Вы это хотите оба сказать, да? Только все произошло не вчера, не в квартире ее сестры — я имею в виду шрамы, раны... А гораздо раньше.

— В квартире между ними могло вчера произойти кое-что другое, что закончилось убийством, — быстро отреагировал Макар. — Меня шрамы как током ударили. Что-то здесь не то... И нам она всей правды, конечно, не сказала.

ГЛАВА 9

БЕЛАЯ ГОРЯЧКА И ДНК

По дороге в Чугуногорск Гушин спросил у Клавдия Мамонтова фамилию актера-пьяницы. Клавдий назвал пару сериалов, где тот снимался, и Макар быстро отыскал информацию в своем смартфоне — Сиваков Антон.

Чугуногорск встретил их не просто неласково, но откровенно враждебно — начальник УВД вместе со

следователем метали в сторону Макара — «внештатного сотрудника» — недобрые взгляды. Начальник грубо потребовал, чтобы «гражданское лицо в составе опергруппы выключило свой смартфон». Полковник Гушин кивнул — внутренняя инструкция того требует. Клавдий Мамонтов заметил, что Гушин работает в Чугуногорске абсолютно автономно — общается только с ними, дает лишь самые необходимые указания. Не проводит с личным составом и начальником обычные в расследовании оперативки и совещания. И практически не делится с местными информацией.

— Актера с охраной мы зряпустили, — признался полковник Гушин. — Переговорить с ними необходимо после допроса шаманки. Клавдий, постарайся прямо сейчас через свои прежние контакты в частной охране установить их данные и фамилии. А я дам задание в Главк номер их «Лексуса» пробить — кому он принадлежит.

Клавдию Мамонтову потребовалось сделать пять телефонных звонков. Он занялся изысканиями. А полковник Гушин позвонил криминалистам насчет экспертиз. Макар разрывался между ними — и то хотел узнать, и другое. Новости пришли одновременно.

— Федор Матвеевич, сначала по поводу дактилоскопии, — объявил начальник экспертно-криминалистического управления. — Изъяли из квартиры Лаврентьевой достаточно следов пальцев рук. И почти все они принадлежат жертве.

— А другая часть кому? — спросил полковник Гушин.

— Ее сыну Алексею Лаврентьеву. Его отпечатки на дверной ручке снаружи и внутри. И на плите газовой, на панели.

— На плите? — переспросил Гушин. — А на кастрюле с лапшой?

— Только жертвы, его матери.

— А на рукоятке ножа есть отпечатки?

— Нет.

— Вообще нет никаких? Даже смазанных?

— Никаких. И ваших нет — вы ведь в резиновых перчатках за нож брались, когда вытаскивали из раны. Так вот, убийца тоже использовал такие перчатки.

— Что с ДНК?

— То же самое. Все, что мы изъяли в квартире, — от волос на полу до соскобов, — принадлежит самой жертве и ее сыну.

— С одеждой ее, с футболкой работали? Убийца встал коленями ей на грудь, придавил ее, когда наносил удар. Должно быть что-то ведь на ее футболке остаться.

— А лапша-то куриная? Она неспроста с плиты сброшена, — вздохнул эксперт. — Я уверен, убийца сделал все специально — сбросил кастрюлю уже после убийства, чтобы уничтожить жидкостью ДНК. Одежда жертвы пропиталась бульоном, правда, к моменту обнаружения трупа часть жидкости успела высохнуть. Мы нашли на футболке следы куриного бульона, и все. Никакой чужеродной ДНК.

— То есть никаких следов присутствия третьего в квартире? — снова уточнил полковник Гушин.

— По вещдокам выходит, что так. Хотя сами знаете — отсутствие улик еще не факт. Возможно, убийцей является кто-то, нам не известный. Нет отпечатков на рукоятке ножа — раз. И кастрюлька, сброшенная с плиты, — два. Весьма красноречивые детали, правда? Однако большое количество улик все

же свидетельствует, что в квартире на момент убийства находились именно мать и сын.

Полковник Гушин поблагодарил эксперта-криминалиста, попросил прислать по электронной почте копию заключений экспертиз.

Клавдий Мамонтов наконец-то дозвонился одному из охранников актера. И одновременно из Главка доложили — машина «Лексус» зарегистрирована на самого Сивакова Антона, его личная тачка.

— А в чем дело? — вальяжно спросил бодигард у Клавдия Мамонтова, когда тот представился и упомянул, что сам некогда работал в частной охране «личником». — Коллега, хотите наняться к шаманке в охрану? Подработку ищете?

— Мы работаем по делу об убийстве, — сразу осадил его Клавдий Мамонтов. — Мы утром приезжали к Евгении Лаврентьевой, когда вы спешно увезли оттуда своего патрона.

— А, вот вы кто, оказывается. Спасибо, что дали нам улизнуть, — бодигард усмехнулся. — Насчет подработки — не знаю как сейчас, но раньше место было занято.

— Нас интересует один важный вопрос, — гнул свое Клавдий Мамонтов. — Ваш патрон ведь несколько дней проходил лечение у Евгении Лаврентьевой дома, так?

— Запой у него капитальный, коллега.

— Вчера во второй половине дня шаманка куда-то отлучалась из дома? Уезжала? — спросил Клавдий.

— Понятия не имею, — ответил охранник. — Мы же там не постоянно дежурили при нем. Привезли четыре дня назад — у него белая горячка в зените. Шаманка его сначала в подвале — там у нее палата для буйных оборудована — с нашей помощью рем-

нями привязала к кровати. А нам велела прочь убираться. Сегодня приезжаем утром — он уже тихий, ослаб, но все равно в бреду. Она его опоила чем-то и приказала нам в магазине купить водки, чтобы давать ему понемногу, потому что если сразу все обрубить, у него такая ломка начнется — сердце может не выдержать. Евгения с помощью своих отваров и водки понижала ему процент алкоголя в крови. Она нас вызвала только утром. Мы перед вами за полчаса к ней прибыли.

— Понятно. Но ваш патрон все время находился в доме. Нам надо его допросить срочно.

— Бесполезно. Я ж сказал — у него белая горячка, психоз. Мы его отвезли в Одинцово в частную наркологическую клинику — он и там лежал несколько раз уже. Заперли его врачи наглухо, в клинике все очень строго. Он еще не скоро очухается. И вряд ли он вам что-то потом скажет — он же в бреду валялся на койке в подвале.

Полковник Гушин и Макар в кабинете слушали переговоры Клавдия Мамонтова по громкой связи.

— Значит, вы к Евгении Лаврентьевой в дом на озере и раньше привозили своего патрона? — уточнил Клавдий.

— В марте отправляли к ней, он в штопор сорвался очередной.

— И помогло ему лечение шаманки?

— Помогло, — охранник усмехнулся. — Мы сами с напарником диву дались. Купировала она нашему запой. Он кое-как держался, агентам звонил насчет съемок. А съемок сейчас практически нет. Ну, снова и сорвался от расстройства и безделья.

— Как бы вы охарактеризовали Евгению Лаврентьеву?